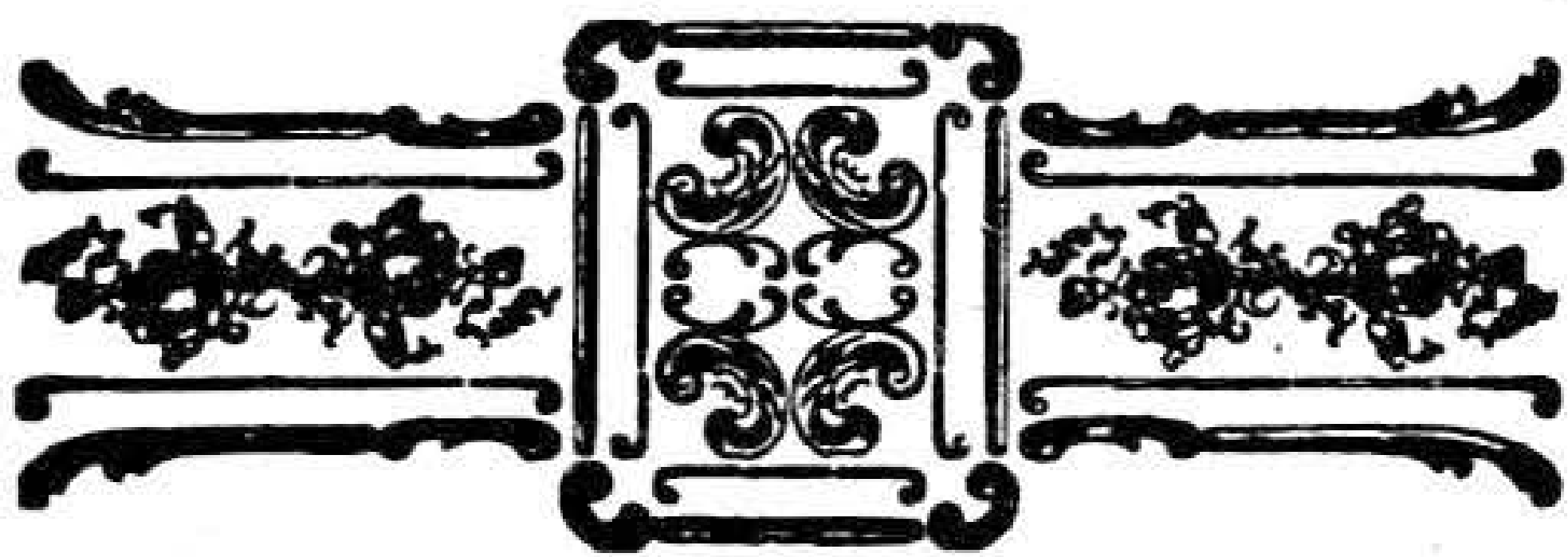

Среда, 13 Апрелья 1911 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

№ 1368.

ПО ТЕАТРАМЪ.

Спектакли Московскаго Художественнаго театра.

«Братья Карамазовы».

Припоминаю, что писали въ Москвѣ, и предвижу, какъ будутъ писать здѣсь по поводу представленія «Карамазовыхъ» въ московскомъ художественномъ театрѣ, и чую — однозвучность словъ и интонацій у критиковъ этого спектакля.

Не трудно быть провидцемъ, когда говоришь о томъ, чему долгій и твердый былъ учитель — опытъ. Отъ опыта-же пришла печальная увѣренность, что московскій художественный театръ не дождался еще (и когда дождется?) своего художника-истолкователя, хотя пишущихъ о себѣ знаетъ очень много. А нуженъ, наконецъ, художникъ, съ огненными глазами человѣкъ, поднявшій вверхъ растопыренные пальцы и въ созвучномъ страданіи отвѣчающій театру:

— Братъ мой!

Болѣе десяти лѣтъ уже носить этотъ театръ — страдалецъ драгоцѣнные дары свои на алтарь непринимающаго бога. Скажутъ: голова его въ лавровомъ вѣнкѣ! Но я скажу: душа его — въ терновомъ. Потому что словами, хвалебными и недобрыми, звонкими и хитрыми, создали этому театральному дѣлу поистинѣ великую славу, но никогда никто еще въ душѣ этого театра доврчиво не прильнулъ, въ нее не вслушался и ею не умилился.

— Появились-ли вамъ «Братья Карамазовы?» спрашиваютъ меня послѣ перваго спектакля и затѣмъ спрашиваютъ и сами рассказываютъ объ «условныхъ» декораціяхъ, о чтецѣ, о другихъ деталяхъ постановки и актерской игры...

А я не знаю, не помню просто, какъ понравились мнѣ тѣ или инныя отдѣльныя части спектакля, потому что единое видѣлъ я и вѣчное представленіе этого театра, и святое имя ему:

— Страданіе.

Театръ Чахова т. е. тишайшихъ, но вѣрныхъ, невидныхъ но неотходящихъ страданій; театръ Ибсена т. е. твердыхъ и мрачныхъ, единобор-

ствующихъ въ гордынѣ своей страданій, долженъ былъ стать и театромъ Достоевскаго, т. е. ареной для Голгофы всечеловѣческой, всемірной и всемірной.

Я слышу кругомъ, что театръ «искалчилъ» романъ, что въ романѣ есть многое, чего не передалъ театръ, что дерзокъ былъ замыселъ изобразить гениальное твореніе въ такомъ „инсценированномъ“ видѣ, и другое подходящее къ этому, — но мнѣ холодными, завѣдомыми, хорошо знающими свое словесное дѣло кажутся всѣ эти голоса. Или, быть можетъ, я не умѣю понять по-настоящему зрителя, который не творитъ въ театрѣ, не «работаетъ» трепетнымъ воображеніемъ вмѣстѣ съ актеромъ надъ тѣмъ, чтобы въ театрѣ воскресъ нѣкій авторъ, и все невольномое, недостаточное, недополученное во внѣшнемъ выраженіи, стало полнымъ и воднующимъ зрѣлищемъ души.

Могло не быть совсѣмъ романа Достоевскаго, и не быть даже никакого связнаго сюжета. Потому что не черезъ романъ и не черезъ сюжетъ соединился театръ съ Достоевскимъ, а только черезъ высшее и благодатнѣйшее познаніе единственной въ мірѣ реальности и единственной въ мірѣ красоты:

— Страданія.

Объ артистическомъ исполненіи отдѣльныхъ ролей буду писать завтра, когда увижу и вторую часть представленія. Пока-же ограничусь тѣмъ, что резюмирую пояснѣе, „погазетнѣе“ высказанное здѣсь уже въ общихъ чертахъ мое впечатлѣніе отъ новой постановки художественнаго театра.

«Братья Карамазовы» — не зрѣлище для глазъ и для обычныхъ театраловъ «отъ любопытства». Такому зрителю будетъ въ театрѣ не менѣе скучно, чѣмъ стулу, на которомъ онъ сидитъ, и не болѣе онъ отъ спектакля получить. Но тѣ, кто ничего не понимаютъ во всѣхъ театральныхъ „измахъ“, не знаютъ, кто такой Крэгъ или Фуксъ, но ночью встаютъ непонятно съ постелей, и прижимаются головой къ холодному стеклу, и долго рыдаютъ о чемъ-то въ темнотѣ и молятъ тишину о какомъ-то отвѣтѣ, — тѣ нуждаются въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» на сценѣ.

Въ ихъ душахъ досказано то, чего иные ждутъ отъ... режиссеровъ.

Albus.